

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА. К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

УДК 304.2; 94

ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕМЦЕВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КАРИКАТУРЕ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Жан-Ив де Наур

Институт политических исследований
Экс-ан-Прованс, Франция

jeanyves.lenaour@laposte.net

С первых же дней войны во французской прессе и на почтовых открытках появились в большом количестве карикатуры, высмеивающие германскую армию и немецкий народ. Эти карикатуры – часто удручающе примитивные и пошлые – позволяют тем не менее понять причины, заставившие французов воевать против немцев, и показывают, как французы воспринимали войну, особенно в начале конфликта, когда карикатуры появлялись в большом количестве и когда в них выражались самые жестокие мотивы. Во-первых, карикатуры высмеивали немцев. Во-вторых, подчеркивали опасность, связанную с их вторжением, сопровождающимся жестокостями. В-третьих, карикатуры изображали мерзость и бесчеловечность врага, делающие из немца промежуточное звено между человеком и свиньей. Карикатура – это, конечно, популярный аспект пропаганды, который вполне соответствовал народным предпочтениям. Этот своеобразный жанр не только свидетельствует о жестокостях этой войны, но и выявляет жестокость художественного мышления и сам является составляющей этой тотальной войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, культурные аспекты войны, карикатура, пропаганда, изображение немцев, образ врага.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-9-17

С первых же дней войны во французской прессе и на почтовых открытках появились в большом количестве карикатуры, высмеивающие германскую армию и немецкий народ. Долгое время историки не обращали особого внимания на эти карикатуры. С одной стороны, они считались тривиальными, одновременно и пошлыми и чрезмерно искажающими, а с другой стороны, толкование Первой мировой войны сосредоточивалось десятилетиями на военных и дипломатических аспектах. Только

около двадцати лет тому назад ученые начали интересоваться и культурным аспектом этой войны, причем не только культурой элиты общества. Ведь на самом деле эти карикатуры – несмотря на то что они прискорбно, удручающе примитивные или чрезмерно упрощенные – представляют интерес не только для историков. Они позволяют понять причины, заставившие французов воевать против немцев, и показывают, как французы воспринимали войну, особенно в начале конфликта, когда ка-

* Перевод с франц.: О. Хаан, С. Шнейдер, Ж.-С. Маркс.

рикутуры появлялись в большом количестве и когда в них выражались самые жестокие мотивы. Французам эта война представлялась как противостояние права против насилия, морали против безнравственности, цивилизации против варварства, демократии против империализма и просто добра против зла. Изображали врага по-разному – и тут наблюдается, так сказать, своеобразная иерархия мотивов. Во-первых, мотив насмешки, высмеивания немцев. Во-вторых, карикатуры подчеркивали грозные черты немцев, опасность, связанную с их вторжением, сопровождающимся жестокостями. В третьих, карикатуры изображали мерзость и бесчеловечность врага, делающие из немца промежуточное звено между человеком и свиньей [4].

«Смешной» враг

Когда речь идет о борьбе добра со злом, то воплощением зла, несомненно, является германский кайзер Вильгельм II. На протяжении всей войны он является личностью, наиболее часто встречающейся в карикатурах [Там же]. Иногда его изображают «смешным», трусливым и хвастливым, а иногда внушающим ужас сатанистом, ангелом смерти или приспешником дьявола. Немецкий орел превратился в ворона, кровь капает с рук императора (см. рис. 1). Французы тут обыгрывают значение фонетически почти не отличающихся друг от друга слов «seigneur» и «saigneur», т. е. называют германского воеводу мясником-воином. Но почему Вильгельм II является любимым персонажем карикатуристов? Его образ позволяет изобразить одновременно всю Германию и приписываемую кайзеру жажду власти, его желание править всем миром, даже если это ему «не по зубам». Примечательно, что Вильгельма II

иногда сравнивали с Наполеоном, которого французы уж никак и никогда не высмеивали. Германский же император считался жалким подобием Наполеона, который вел себя так, будто он был великим. В этом, как говорят французы, и проявляется патологическое, завышенное самолюбие и самодовольство немецкой расы.

Интересно, что любимая фигура карикатуристов, Вильгельм II, находится и в центре дискуссий, которые ведутся между националистами и социалистами, между правыми и левыми [1]. Для первых все немцы зловредные, жестокие, пошлые, высокомерные захватчики с патологическим тщеславием. Следовательно, надо поработать эту гнусную расу. Для вторых немецкий народ ни в чем не повинен: во всем виноваты их правители – маленькая группа милитаристов и империалистов, злых и опасных, которых надо свергнуть. Когда немецкий народ откроет глаза, наступит революция в Германии, провозгласят немецкую республику, немцы и французы станут братьями и никогда больше не будет войны. Для националистов все немцы одинаковы, а Вильгельм II, так сказать, просто главный из них, из чего следует, что надо подавить всю Германию. Социалисты же считают, что немцев надо освободить от их злых правителей, которые их угнетают. А вот на Вильгельме II, как ни странно, сходятся и националисты, и социалисты. И те и другие хотят его устранить; первые за то, что именно он представляет Германию, т. е. государство, а вторые за то, что он для них является не представителем немецкого народа, а злым правителем.

Тезис о невинном народе и виновных правителях невольно приводит к вопросу: почему немецкие солдаты выполняют их команды и убивают людей? Возможно, что

они были согласны с этими действиями, или их к ним вынуждали? Или они были настолько запуганы, что выполняли всё, что им говорили? А может быть, немцы вообще просто такие глупые, что они не в состоянии опротестовать какие-либо решения? Это, так сказать, народное представление о немцах родило у французов особое определение немцев: они стали их называть «бош» («boche»), что обозначает упрямого, глупого, малоспособного человека. Это интересное каламбурное переосмысление, в основе которого лежит слово «boche» со своим историческим значением «деревянный шар». В XIX веке сначала появляется выражение «tête de bois», т. е. «быть упрямым», которое потом превращается в просторечии в выражение «tête de boche», что обозначало упрямого человека. В немецком языке есть выражение «Holzkopf» (дословно — «деревянная голова»), по-русски мы имеем похожее выражение «дубина». Потом появилось понятие «Alboche», где приставка «al», скорее всего, сокращение слова «allemand». В течение лет приставка потерялась и осталось понятие «le boche».

А теперь обратим внимание на то, как изображали немецкого солдата [4]. Он предстает либо в образе худой жерди, либо толстым бородачом, зачастую с рыжими волосами и непременно в островерхой каске — знаменитой «пикельхельм» или «пикельхаубе» — даже в карикатурах того времени, когда уже появилась каска из стали. Этот головной убор, как правило, опущен до глаз, прикрывая тем самым весь лоб, традиционно в карикатуре символизирующий ум. В моральном отношении немецкого солдата изображали то трусом, который не хочет двигаться вперед, опасаясь смерти (см. рис. 2), то кровожадным зверем. В начале войны, то есть в первые дни конфлик-

та, преобладает изображение подневольного солдата, которого офицеры заставляют сражаться. Все это было направлено на то, чтобы успокоить французов: «немецкие солдаты ни на что не годны, они трусы». Следовательно, французские солдаты непременно одержат победу.

Немцев изображали не просто как плохих солдат, но и как голодающих (вследствие английской экономической блокады), которые сдаются в плен, чтобы получить бутерброд, баночку консервов или кусок хлеба (см. рис. 3). Эти изображения во французской прессе сопровождались забавными комментариями. В это время в патриотических газетах встречались самые нелепые публикации, утверждающие, например, что немецкие снаряды не взрываются и что немцы действительно сдаются в плен в обмен за еду. Так, карикатура, озаглавленная как «Надежная ловушка для немцев», показывает своего рода мышеловку, в которой лежит всего лишь сосиска. Одним словом, немецких солдат не стоит бояться, они не очень сообразительны, трусливы и не воинственны.

Немецкие офицеры — это уже другое дело: они высокомерны, на глазу монокль, во рту сигарета, в руке хлыст, облик надменный и господствующий — аристократы с чувством превосходства. Поэтому неудивительно, что во Франции, где 4 августа 1789 года отменили привилегии дворянства и церковной элиты, такое изображение офицеров-аристократов вызывает неприязнь. Значит, проблема не в немецких солдатах, а в офицерах. Популярное изображение жестокого и жестокого немецкого офицера, передвигающегося только печатным шагом, берет свое начало в картинках художника Анси (см. рис. 4). Анси — псевдоним эльзасского художника по име-

ни Жан-Жак Вальз (*Jean-Jacques Waltz*, 1873–1951). Он всегда считал себя французом, несмотря на то что в 1871 году Германия аннексировала Эльзас. Немец в изображениях Анси – это вор, занятый больше грабежом, чем сражением.

Изображение немца в образе грабителя, несомненно, прочно закрепилось в памяти французов. Впервые начали изображать немца в образе вора после 1871 года. Особой популярностью пользовалось изображение вора часов, так как часы символизируют не только время, но и установившийся годами порядок и личную жизнь человека – а вор вторгается в этот мир, отнимает и тем самым разрушает его. Изображая немецких солдат с их трофеями (например, с бутылкой шампанского, с женскими сапогами для своих жен и невест), авторы карикатур не только представляют немецких солдат грабителями, но и демонстрируют низкий уровень германской культуры. Немецкие солдаты жаждали завладеть изысканными, элегантными предметами и деликатесами французов, по сравнению с которыми их вещи были грубоватыми и примитивными.

Грозный враг

Но факты противоречили смешному изображению врага, главенствующему в массовом сознании в первые дни войны. Французы в ходе войны быстро осознали, что немецкие солдаты вовсе не трусливы и не сдаются за кусок хлеба. К тому же вторжение войск и сопровождающие его жестокости способствовали резкому изменению изображения врага: если в первые дни войны его образ был смешным, но с человеческим лицом, то сейчас он стал грозным и бесчеловечным и даже нечеловеческим. Во Франции, Бельгии и Великобритании

стали говорить о немецких жестокостях: об убийствах гражданских лиц (которых немцы рассматривали как партизан), о расстрелах заложников, сожжениях деревень, а также об использовании гражданского населения в качестве живого щита для атак. Эти жестокости возмущали общественное мнение Франции, Бельгии и Великобритании [3]. И французская пропаганда этим, естественно, воспользовалась. Жестокость, проявленная немцами, подтверждала, что «боши» – злые и жестокие люди, порождения дьявола, и что эта война – на самом деле война права против насилия. Но мотив жестокости немцев в этой войне, к сожалению, использовался не только пропагандой. В карикатурных изображениях немец, может быть, и остается неуклюжим простаком, но теперь он прежде всего волосатый зверь без морали, с наслаждением убивающий даже женщин и детей.

Из-за этой кровожадности немец теряет в карикатурах свой человеческий облик, потому что нельзя оставаться человеком и совершать такие жестокости. Немец превращается в зверя с когтями вместо пальцев, с клыками вместо зубов (см. рис. 5). Страшный аппетит дикого зверя понимается в прямом и переносном смысле, а пропаганда подчеркивает прожорливость немецкой расы. В сентябре 1914 года, после битвы на Марне, в результате которой вторгшийся враг был остановлен менее чем в пятидесяти километрах от Парижа, во французской ежедневной газете *Le Matin* сообщалось, что врачи вскрыли трупы немецких солдат, у которых не было ни одного ранения. И что они обнаружили в их желудках? Цельные корнеплоды свеклы с ботвой и комками земли. Какие же они обжоры! [2]. Так не является ли для французского общества прожорливость признаком низкой сте-

пени культуры, животного состояния и отсутствия эстетического чувства?

Еще один мотив, который часто используют авторы карикатур, – зверское изнасилование женщин немецкими солдатами. Якобы немецкие варвары кидаются на каждую женщину и насилуют «каждую юбку». Благодаря негодованию, вызванному этими карикатурами, снова подчеркивается противостояние между насилием и правом, уродством и красотой, мужской Германией и женской Францией, являющейся жертвой нападения. Хотя описания изнасилования являлись важной частью пропаганды, эти изнасилования в течение вторжения германских войск действительно имели место. Во время войны тело женщины считалось не только добычей, но и вторым полем боя, которое содействует унижению того, кто не в состоянии защитить свою территорию, своих жен и дочерей.

Грубые немцы также считались убийцами детей, и это часто повторяемое изображение, хотя и является ложью, в очередной раз позволяет подчеркнуть моральное уродство врага, который посягает на невинность. В этом случае французская пропаганда заходит чрезмерно далеко, выдумывая легенду о том, что вторгшийся враг якобы отрезал детям руки, чтобы они не смогли стать солдатами. Хотя уже тогда, т. е. в начале войны, люди, конечно, с трудом могли поверить, что такая дикость могла произойти, и, несмотря на то что не было ни свидетелей, ни пострадавших – никого, кто бы мог это подтвердить – слух упрямо распространялся в первые месяцы войны [1].

Во всяком случае, эти слухи служат в карикатурах доказательством того, что моральное уродство немцев неразлучно связано с физическим уродством и их звериной

внешностью. То же самое касается и немецких женщин, у которых в соответствии с французскими карикатурами грубые черты лица и угрюмый вид (см. рис. 6). Природа их явно не побаловала красотой. Глядя на подобные изображения немецкого народа, можно понять, почему немцы так стремятся ограбить, завоевать Францию, благословенную страну, страну изысканности. Это стремление появилось оттого, что Германия находится якобы на слишком низком уровне цивилизации и поэтому никогда не сможет подняться до уровня Франции.

То же самое относится и к национальным аллегориям. Богиня Германия представляется крепкой, мужественной, воинственной, но маложенственной. А Марианна, аллегорически представляющая Францию, – стройная и красивая, часто с большой грудью, чтобы вскармливать своих детей. Это нелестное изображение Германии – довольно новое явление. Оно родилось после 1871 года, т. е. после франко-прусской войны. До этого времени изображение богини Германии не отличалось от изображения Марианны: красивая молодая женщина, как правило блондинка, закутанная в свою тогу. После Франко-прусской войны (1870–1871) богиня Германия приобрела мужские черты и превратилась в злую, некрасивую и крепкую женщину, всегда со щитом и в доспехах.

Мерзость врага

Изображая уродство, животное состояние немцев, ужасы, которые они творят, – всё то, что является частью бесчеловечности, карикатуристы превращают их в грязных, морально и физически нечистоплотных людей. Часто это изображения из области порнографии и скатологии, особенно грязной порнографии. Такие черты изо-

бражения характерны для народного юмора, когда таким способом хотят очернить, унижить и оскорбить врага.

Что такое немецкая «элитная культура»? Это проститутки, изображения эрегированных членов, оральный секс и сцены содомии. Это низость, грязь и, как говорят французы, свинство. Связь гомосексуальности и декадентства с немецкой армией и культурой не очень распространена в карикатурах Первой мировой войны, но тем не менее тому есть примеры. Так, некоторые иллюстрации показывают прусского кронпринца «гомиком». Дело в том, что после скандала вокруг Филиппа Эйленбурга, гомосексуалиста, который накануне войны считался приближенным к кайзеру Вильгельму II, юмористы начали называть немцев «Eulenbougres». Причем «bougre» имеет значение (сегодня, правда, устаревшее) содомита. Встречаются также карикатуры, показывающие казаков, пронзающих немцев своими копьями через анальное отверстие. Популярность этого мотива свидетельствует, в конце концов, и о том, что анальный секс стал в это время фетишем этих карикатуристов. Подобные изображения, наглядно свидетельствуя о низком уровне военного юмора, являются в то же время сексуальным издевательством над немцами.

Далее, в карикатурах часто изображали островерхую каску, используемую в качестве ночного горшка. К тому же в 1914 году ночные горшки называли «Guillaume» (Вильгельм) – имея в виду немецкого императора. Но этот сортирный юмор из области скатологии встречается не в первый раз. В ходе дела Дрейфуса в 1894 году во Франции распространялись иллюстрации, показывающие ночные горшки с целью унижения сторонников капитана Дрейфуса. С тех пор националисты называли ночные

горшки «Zola», имея в виду писателя Эмиля Золя, боровшегося за реабилитацию капитана Дрейфуса, несправедливо осужденного за шпионаж. Эти праворадикальные изображения еще довоенного времени распространяются и во время Первой мировой войны, так как национализм захватил всю страну. Война очерняет всё!

Особенно поражает скатывание карикатуры к скатологии и к копрофагии. На одной карикатуре, например, изображается Вильгельм II на своем «троне» с опущенными штанами и видны его экскременты или экскременты его солдат в виде сосисок. Тут карикатуристы дошли до предела безвкусицы. Но как воспринимались подобные иллюстрации? Не всегда хорошо. Унижая врага, авторы карикатур заходят так далеко, что в итоге еще в большей степени унижают самих французов. В своем дневнике французский писатель Андре Жид пишет об отвращении, вызываемом этими иллюстрациями: «С крайним смущением мы смотрим на idiotские иллюстрации на почтовых открытках, показывающие, например, толстого прусака, сидящего напротив сортира и вылавливающего с помощью длинной вилки сомнительные сосиски и тут же съедающего их, или немца, наложившего при виде штыва от страха в штаны. Никогда до этого глупость, грубость и безобразие простонародной дури не проявлялись в такой компрометирующей и постыдной манере».

Следует отметить, что, к сожалению, языковая действительность практически предрешила, что карикатуристы были «вынуждены» прибегать к приемам скатологии (см. рис. 7). Дело в том, что в разговорном и детском языках слово «кака» обозначает «экскременты», а это слово фонетически не отличается от названия, точнее от

первой его части, так называемого «КК-хлеба» (pain КК), состоящего из отрубей и картошки (по-немецки Kleie und Kartoffeln). Самая популярная иллюстрация этого мотива показывает ребенка, сидящего на островерхой каске, используемой в качестве ночного горшка. И ребенок говорит, обыгрывая значения слов: «Я им пеку хлеб КК, потому что это то, что едят в этой стране». Этот же самый рисунок можно снабдить следующим комментарием: «Бедным пруссакам нечего есть, но я их могу угостить “КаКой”» [5].

Экскременты как мотив, «характеризующий» немцев, часто встречается в карикатурах, и поэтому неудивительно, что немцам стали приписывать какой-то зловонный запах, запах кала и экскрементов. С тех пор как врач по имени Эдгар Берийон выдвинул этот тезис в ходе дискуссии в Парижской медицинской академии, он стал «научной реальностью». По мнению этого буйного сумасшедшего, подданные Вильгельма II узнают друг друга по своему запаху, названному им «зловонным потом». До войны никто и не знал об этом своеобразном запахе. По утверждению этого же ученого, ноги и подмышки немцев выделяют кислый запах, который вызван расстроенным потовыделением, что указывает на сходство немцев с некоторыми зверями, например с хорьком или козлом. Далее Берийон утверждает, что вши, находящиеся на теле немецких солдат, больше и зловонней, чем те, которые размножаются на теле храбрых французских воинов. Правда, такая «научная» теория заставляет задуматься о том, как дела обстоят с эльзасцами. Так как они по языку и по крови немцы, то у них должен быть такой же самый запах, как и у их расы. Но так как эльзасцы в душе своей французы, Берийон считает, что эльзасцы не стра-

дают расстройством выделения пота, приущим немцам. «Запах немецкой расы всегда раздражал обоняние наших земляков в Эльзас-Лотарингии», – говорит он. Поражает, конечно, тот факт, что медик и преподаватель психологии высказывает такие мысли, и это ни у кого не вызывало ни смеха, ни возмущения.

Одним словом, французы изображали немцев уродливыми, мерзкими и похотливыми обжорами. Понятное дело, что не пришлось долго искать животное, сочетающее все эти черты: сразу напрашивается сравнение со свиньей.

Немецкие свиньи!

Свинья считается проклятым и отверженным всеми мировыми религиями животным. Ее особенность в том, что она считается похожей на человека – к тому же в средневековые хирурги вскрывали свиней, потому что церковь запрещала им практиковаться на человеческих трупах. Следовательно, образ свиньи используется как образ, противоположный человеку. Можно прийти и к выводу, что свинью очеловечили для того, чтобы иметь, так сказать, негативный образец человека, с которым можно обойтись очень просто: без угрызания совести съесть. Свинья воплощает инобытие, которое пугает своим непосредственным сходством с человеком. В 1788 году французский натуралист Бюффон, который прямо-таки верил в представление о человекообразности свиньи, утверждал, что из всех четвероногих свинья самая отвратительная. Всё ее существо примитивное, у нее отвратительный вкус, ее чувства ограничиваются необузданным сладострастием и зверской прожорливостью, заставляющей ее есть всё, что попадает ей под рыло. Отвратительность, грубость, похот-

ливость и прожорливость – это именно те черты, которые в 1914 году приписывали немцам. Это, так сказать, предыстория появления популярных в начале XX века карикатур (см. рис. 8).

Впрочем, мотив свиньи на самом деле не нов. Во время Французской революции так изображали Людовика XVI после его побега в город Варенн, в ходе дела Дрейфуса в виде свиньи изображали французского писателя Эмиля Золя. Накануне Первой мировой войны деятель французского и международного социалистического движения Жан Жорес стал жертвой праворадикальных карикатуристов, которые его представляли в образе свиньи с островерхой каской на голове.

Правда, немец, изображенный в виде свиньи, сам может превратиться в жертву символического каннибализма. Свинья всё съжирает, что попадетсЯ, но и свинью можно разделать на части, зарезать, обжарить, насадить на шампур и сделать из нее кровавую колбасу, паштет и, конечно же, сосиски. Это символическое поедание врага вскрывает примитивное понимание победы, которая заключается в уничтожении противника, и такое понятие победы свидетельствует о крайней нецивилизованности немцев, но не только их. Такая символическая практика характеризует все воюющие стороны. В Германии встречаются те же самые изображения, тот же самый символический каннибализм: немцы-великаны съедают маленьких россиян, маленьких англичан и маленьких французов. Русские, английские, французские и бельгийские карикатуристы также пользуются этими мотивами (см. рис. 9).

Интересно, что союзники в карикатурах (как этот бельгийский солдат) изображаются человечными («союзники-канниба-

лы» не имеют ни зверских, ни людоедских черт), даже когда съедают немцев. При этом не ставится под сомнение, что немец не человек, его можно и нужно уничтожить, т. е. съесть. В этом плане эти карикатуры способствуют дегуманизации врага. Немец – просто зверь, которого надо съесть и этим полностью уничтожить. Надо, как подчеркивает французское выражение, «сожрать боша» в прямом и переносном смысле, чтобы избавиться от этой опасной, злосчастной, жестокой и вовсе не человеческой расы.

Карикатура – это, конечно, популярный аспект пропаганды. Но следует отметить, что этот феномен – карикатура времен Первой мировой войны – не только насаждался сверху, но и вполне соответствовал народным предпочтениям. Этот своеобразный жанр не только свидетельствует о жестокостях этой войны, этого столкновения цивилизаций, но и выявляет жестокость художественного мышления и сам является составляющей этой тотальной войны.

Литература

1. *Le Naour J.-Y.* 1914. La grande illusion. – Paris: Perrin, 2012. – 404 p.
2. *Le Naour J.-Y.* 1915. L'enlissement. – Paris: Perrin, 2013. – 408 p.
3. *Le Naour J.-Y.* 1916. L'enfer. – Paris: Perrin, 2014. – 374 p.
4. *Le Naour J.-Y.* La Grande guerre à travers la carte postale ancienne. – Paris: HC, 2013. – 160 p.
5. Dictionnaire de la Grande guerre / sous la dir. de J.-Y. Le Naour. – Paris: Larousse, 2008. – 476 p.

THE IMAGE OF THE GERMANS IN FRENCH CARICATURE DURING THE FIRST WORLD WAR

Jean-Yves le Naur

Institute for Policy Studies

Aix-en-Provence, France

jeanyves.lenaour@laposte.net

From the first days of the war there appeared a large number of cartoons mocking the German army and the German people in the French press and on postcards. These cartoons - often woefully primitive and vulgar- allow to understand the reasons which forced the French to fight against the Germans, they show how the French perceived the war, especially in the beginning of the conflict, when the cartoons appeared in large numbers, and when they expressed the most cruel motives. Firstly, caricatures ridiculed the Germans. Secondly, they emphasized the danger caused by their invasion, accompanied by atrocities. Thirdly, the cartoons depicted the abomination, and the inhumanity of the enemy, both these qualities made the Germans an intermediary between a man and a pig. Caricature is, certainly, a popular aspect of propaganda, which turned out to be quite consistent with people's preferences. This kind of genre is not only the evidence of the atrocities of the war, but also reveals the cruelty of creative thinking and is a constituent part of that total war.

Keywords: the First World War, cultural aspects of the war, caricature, propaganda image of the Germans, the image of the enemy.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-9-17

References

1. Le Naour J.-Y. 1914. *La grande illusion*. Paris, Perrin, 2012. 404 p.
2. Le Naour J.-Y. 1915. *L'enlèvement*. Paris, Perrin, 2013. 408 p.
3. Le Naour J.-Y. 1916. *L'enfer*. Paris, Perrin, 2014. 374 p.
4. Le Naour J.-Y. *La Grande guerre à travers la carte postale ancienne*. Paris, HC, 2013. 160 p.
5. Le Naour J.-Y., ed. *Dictionnaire de la Grande guerre*. Paris, Larousse, 2008. 476 p.